

УДК 303.448:316.752:316.722

В. Н. ТАРАСЕВИЧ,
*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной экономики,
политической экономии и управления,
Национальная металлургическая академия Украины*

ПОСТУЛАТЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЦЕННОСТИ И ИХ ТЕСТИРОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛАХ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена тестированию некоторых базовых постулатов общей теории ценности на материалах первых цивилизаций Востока. Охарактеризовано соотношение категорий «стоимость», «ценность» и «ценностные отношения». В наиболее общем виде ценность представлена отношениями между акторами в связи с отношением субъективного образа реального объекта к самому реальному объекту.

Сформулирована гипотеза о всеобщности и сложности ценностных отношений, в соответствии с которой человеческая деятельность является субстанцией и основанием ценностных отношений (ЦО). Определенные содержательные характеристики (инварианты) деятельности и ЦО являются общими для всех сегментов (сфер) жизнедеятельности. Но в каждом особом сегменте в соответствии со спецификой деятельности ЦО и их инварианты обретают особые формы, в том числе социально-экономические. Обозначено содержание, строение и структура ЦО.

Акцентирована общеэкономическая инвариантность затратности и полезности ценностных отношений в обмене совокупными СЧС, которые включают воплощенные (накопленные), настоящие (текущие - актуализированные умения, навыки, способности) и будущие, (потенциальные) СЧС, а также экономическая и социальная ценность. На этой основе рассмотрен эквивалентно-неэквивалентный обмен сущностными человеческими силами между основными социальными кластерами первых восточных государственных цивилизационных образований.

Принята за основу тенденция к равенству суммы полезностной ценности группы СЧС первого субъекта обмена и затратностной ценности группы СЧС второго субъекта обмена и суммы полезностной ценности группы СЧС второго субъекта обмена и затратностной ценности группы СЧС первого субъекта обмена. Неэквивалентный обмен СЧС сопутствует изменениям основных субъектов и форм присвоения данных объектов.

Ключевые слова: стоимость, ценность, ценностные отношения, сущностные человеческие силы, затратность, полезность, обмен, эквивалентность, эксплуатация.

Постановка проблемы. Изучение полилинейности доцивилизационной эволюции человечества, поступательной цикличности первых

цивилизационных универсумных образований (цунобров) Востока с акцентом на иерархическо-сетевой природе власти-собственности (ВС), сосуществовании и смене ее форм, а также распределении элементов последних между персонами соответствующих властных групп племенного союза (ПС), союза племенных союзов и племен (СПСП), а также государств [13, с. 482-662] позволило обнаружить ряд противоречий процессов присвоения, прежде всего, властного, которые в известной мере детерминировали указанную цикличность. Одновременно возникли сомнения в субстанциональности и исчерпывающем характере обнаруженных противоречий. В самом деле. Если в концентрации присвоения в руках правителя и последующем распределении последним элементов ВС между членами властной государственной группы (ВГосГр) доминирует редистрибуция, то что лежит в ее *основе*? Неужели она сама и генерируемые ею противоречия между «обладателями» разных форм и элементов ВС являются всего лишь продуктом некоего *произвола* правителя? Но даже если дело обстоит именно таким образом, то вряд ли можно согласиться с отсутствием *объективных оснований* произвола.

Ближайшее рассмотрение обнаруживает весьма тесные взаимосвязи редистрибуции с реципрокацией и эквивалентностью, которые восходят к протоинститутам талиона и запрета на инцест. Поскольку же редистрибуция, реципрокация и эквивалентность могут быть представлены в качестве особых характеристик движения сущностных человеческих сил (СЧС), а реципрокация, - в качестве исторически незрелой предтечи эквивалентности, постольку вполне уместна *гипотеза о детерминации эквивалентностью редистрибуции СЧС и их последующего распределения и перераспределения*. Разумеется, степень «жесткости» указанной детерминации, как и правомерность самой гипотезы, может быть установлена строгим научным исследованием, в том числе обращением к соответствующим положениям *общей теории ценности* (ОТЦ) [13, с. 357-399], которая выходит за привычные для «индустриальных» теорий стоимости границы опредмечивания в опредмечивании.

Анализ последних исследований и публикаций. Заинтересованный взгляд на отдельные *новейшие* научные разработки стоимости обнаруживает некоторые значимые вопросы и проблемы. В научном сообществе не ослабеваает внимание к марксистской *теории трудовой стоимости* (ТТС). Так, лидеры постсоветского марксизма А. Бузгалин и А. Колганов активно и небезуспешно используют ее потенциал для анализа современного позднего капитализма, господства глобального капитала, а также постиндустриальных тенденций перехода «по ту сторону материального производства», трансформации рыночных отношений [5, с. 344-511]. В то же время в марксизме пока не решены проблемы не только «взаимосвязи законов

содержания системы и механизмов функционирования ее превратных форм» [5, с. 364], но и неизбежных последовательно – параллельных модификаций базовых постулатов ТТС и закона стоимости. Разумеется, объясняющая сила закона трудовой стоимости по-прежнему достаточно велика [7, с. 7-38], однако трудно представить сохранение последним ортодоксальных качеств в условиях сетевого рынка, виртуального финансового капитала, подчинения глобальному капиталу креативных человеческих качеств [6]. У большинства постсоветских марксистов не вызывает сомнения печальное будущее товарного производства и стоимости. Но, *во-первых*, в современных условиях важна не констатация их снятия сама по себе, а определение *последовательных этапов*, в том числе текущего, такого снятия, а также конкретных модификаций стоимостных отношений не столько в обращении, сколько в производстве. *Во-вторых*, необходимо уточнить, все ли в стоимостных отношениях погибнет. *Что* именно и в каком виде *останется* после их снятия? Даже если общественная форма уйдет в небытие, что будет с ее *общеэкономическим содержанием*, и каково оно это содержание, если оно существует?

В связи с этим представляется весьма примечательной предпринятая К. Вальтухом попытка развития, обогащения закона трудовой стоимости на основе теории информации. Наряду с привычным определением стоимости как закона цен предлагается ее широкая трактовка: «всеобщее общественное выражение количества информации, воплощенной в ингредиентах антропосферы, независимо от их превращения в товары» [7, с. 193]. Таким образом К. Вальтух смещает акценты с общественного характера стоимости на ее общеэкономическое содержание. Разумеется, сведение последнего к *количеству информации*, продуцируемой не только человеком, но и природой, является спорным, как и убежденность Дж. Мак-Куллоха в том, что трудятся не только люди, но и животные. Следует согласиться с А. Гриценко, что в методологическом плане такой подход «является своего рода современной информационной физиократией, понимающей создание стоимости как природный процесс увеличения исходного материала с помощью труда. Здесь полностью теряется социальная природа стоимости» [8, с. 106]. Однако, поскольку у К. Вальтуха антропосферное производство – единство постоянного возобновления природных условий существования человека и искусственной среды его обитания [7, с. 168], с позиций ОТЦ знаковым является признание возможной экспансии некоторых субстанциональных характеристик стоимости за пределы «аборигенной» для нее сферы искусственного опредмечивания, в данном случае – в сферу опредмечивания естественного.

Исследование современного межотраслевого баланса производства и распределения продукции и соответствующего экономико-математического

инструментария для тестирования ТТС позволяет с иных позиций взглянуть на ее постулаты и обозначить некоторые проблемные вопросы. Например, по мнению М. Бодрикова, трансформационная проблема возникает вследствие несопоставимости ресурсных условий двух логических моделей (простого и капиталистического товарного производства). Действительно, «вместо модели с одним первичным и несколькими промежуточными ресурсами рассматривается модель с одними первичными ресурсами» [4, с. 118]. Однако правомерно ли на этом основании утверждать, что причиной «противоречия» между ценностью и ценой производства «является нарушение логики развертывания экономических категорий» [4, с. 121]? «Ведь если товар есть базовая абстракция экономической теории капитализма, а абстрактное тем и характеризуется, что оно соответствует *всем* конкретным проявлениям изучаемого объекта, то закон ценности должен регулировать товарообмен на *всех* стадиях восхождения и во *всех* моделях товарной экономики. Поэтому противоречие между законами ценности и цен производства не является «реальным противоречием объекта» (Э. Ильенков), а проистекает из ошибок его моделирования» [4, с. 121]. Но в том то и дело, что закон стоимости *продолжает* регулировать товарообмен и в капиталистической экономике, только посредством *других* форм и механизмов, что убедительно показал К. Тронев [14], и чью аргументацию не принял в расчет М. Бодриков. Этот проблемный вопрос ТТС предваряет ряд других, с позиций ОТЦ не менее важных.

1. Правомерно ли отвергать результаты исследования, полученные с помощью одних методов, отдавая предпочтение результатам, полученным с помощью иных методов? Правомерно, но при условии *полной идентичности* исследуемых аспектов одного и того же предмета. Если же исследуются *различные аспекты* последнего, то вполне обоснован выбор *различных методов*, и не следует удивляться *различным результатам* их применения. Метод восхождения от абстрактного к конкретному более адекватен изучению генезиса, существа и исторических судеб стоимостных отношений [5, с. 368], а межотраслевой анализ, – функционирования форм реализации последних, поэтому совпадение исследовательских результатов было бы маловероятным. Следовательно, в отношении указанных результатов правильнее руководствоваться принципом дополнительности, а не гетерофобии.

2. Если напроць *отказаться* от изучения стоимости как *экономического отношения*, то «идея абстрактного труда, как внутреннего содержания ценности» *может показаться* «бесплодной» [4, с. 128]. Но не чревато ли такое сужение «проблемного поля» «содержательными ошибками» [3, с. 117]? Акцентируя внимание на *организационно-экономическом* «срезе» стоимостных

отношений, не следует забывать об их иных «срезах», прежде всего, *социально-экономическом*, иначе, к примеру, грань между простым и капиталистическим товарным производством стирается, и предлагаемое М. Бодриковым видение трансформационной проблемы оказывается весьма сомнительным. Поэтому, углубляясь в общеэкономический или организационно-экономический «срезы» стоимостных отношений, нельзя упускать из виду «витающие предпосылки» «среза» социально-экономического.

Последнее замечание верно и в случае *расширения* «проблемного поля» или объекта исследования. Так, уместное предложение М. Бодрикова моделировать сектор домашних хозяйств по аналогии с предпринимательским сектором [4, с. 126-127], в частности, означает, что исследование пересекает границы опредмечивания и вторгается в область *очеловечивания*, т. е. производства человека, в данном случае в рамках домашнего хозяйства. Правомерно ли оставлять без внимания специфику различных «срезов» ценности в очеловечивании? Если не оставлять «территорию» ортодоксальной ТТС, то скорее «да», чем «нет». Если же исходить из более сложного контекста ОТЦ, то, безусловно, «нет».

3. Не только М. Бодриков, но и другие авторы предпочитают употреблять термин «ценность», а не «стоимость» без достаточных на то объяснений. Между тем, как будет показано ниже, различие указанных терминов с позиций ОТЦ имеет *принципиальное* значение.

Относительно обособленную группу образуют *экономико-социологические* концепции *деструкции* стоимости, в которых пострыночные и постэкономические тенденции эволюции современных постиндустриальных обществ выступают «могильщиками» стоимости товара как продукта *материального* производства. Речь идет о преодолении разрыва производства и потребления, их прогрессирующей индивидуализации, невоспроизводимости продуктов и нелимитированности ресурсов, снижении роли утилитарной и материальной мотивации и др., то есть о процессах, присущих не столько материальному, сколько нематериальному производству, развитию очеловечивания и его экспансии в опредмечивание. Казалось бы, самое время приступить к анализу содержания и специфики *ценностных отношений в очеловечивании*, но предпочтение отдается иной проблематике.

Констатируя большую «цельность и комплексность» понятия «ценность» в сравнении с понятием «стоимость» [9, с. 66], В. Иноземцев весьма обстоятельно анализирует преодоление не первой, а последней и в производстве, и в потреблении, развивая соответствующие марксистские постулаты. Обращает на себя внимание характеристика специфических черт *знаний и информации*, а также их рассмотрение преимущественно как *ресурсов*

производства материальных продуктов, а не результатов очеловечивающей деятельности. Это вполне отвечает авторской концепции *деструкции стоимости* под влиянием не столько собственно эндогенных процессов в опредмечивании, сколько экзогенных перманентных «шоков» со стороны очеловечивания. Кстати, по мнению В. Иноземцева, ведущие зарубежные приверженцы экономической теории информации (Ф. Махлуп, Д. Стиглиц, К. Эрроу) уходят от признания *невозможности стоимостной оценки* нелимитированных благ на основе *неоклассических* трактовок стоимости и цены, а потому отдают предпочтение анализу *факторов*, влияющих на цену информации в ситуациях неопределенности, асимметрии информации, морального риска и других [9, с. 74].

В современных преимущественно социологических концепциях стоимости, создаваемой знанием (Т. Сакайя), символической стоимости (Ж. Бодрийяр, М. Фуко), скрытой стоимости (Т. Стюарт), дифференцированной стоимости (О. Тоффлер), виртуальной стоимости (М. Мэлоун, Л. Эдвинсон) [1, с. 246-257] констатируется нарастающая *«неуловимость»* стоимости высокоиндивидуализированных продуктов, невозможность их стоимостной оценки в квантифицируемых единицах цены или общей полезности, фрактализация стоимости, утеря ею какой бы то ни было основы, смерть эквивалентности и тем самым отражаются некоторые реальные постиндустриальные тенденции. Однако в указанных концепциях все же преобладает не фундаментальный экономический дискурс, адекватный сложности и «укорененности» проблематики стоимости, а характерные для постмодернизма *мозаичность, деструктивизм и деконструктивизм*. Методологически корректным представляется иной подход: деконструкция классических постулатов стоимости, если признаки таковой имеют место, должна изучаться не столько с позиций новомодных *явлений*, пусть и весьма симптоматичных, сколько на том уровне, где она «конструировалась», - *субстанциональных основ и сущностных* характеристик. Нельзя отказываться от традиций возведения в *основном завершенного здания* – от фундамента до фасада и крыши, со стенами, этажами, лестничными пролетами, окнами и дверьми.

В этом смысле более предпочтительны развивающие научные традиции *синтеза ТТС и теории предельной полезности (ТПП)* современные разработки Т. Артемовой, В. Афанасьева, А. Бузгалина и А. Колганова, А. Гриценко. Так, по мнению А. Бузгалина и А. Колганова, ТТС «показывает глубинные основы отношений товарного производства, исторические и теоретические границы этой системы, ее природу», тогда как ТПП «выводится из первой через сложную цепочку опосредований и указывает на фиктивное (как бы

«наведенное») содержание действительно существующих превращенных форм – определенных функциональных зависимостей в соотношении спроса, предложения и т. п.» [5, с. 372]. В. Афанасьев полагает, что в отношении ТТС и ТПП следует руководствоваться принципом научной дополнительности, а не идеологической гетерофобии. Правда, в исследовании взаимодействия двух теорий В. Афанасьев следует принципу дополнительности лишь отчасти, ограничиваясь интеграцией, «вплетением» отдельных положений ТПП в «ткань» ТТС [2]. В весьма перспективной *социально-временной теории стоимости* (СВТС) (А. Гриценко) синтез ТТС и ТПП осуществляется на субстанциональном уровне, что обеспечивает СВТС устойчивый самостоятельный статус и открытость в будущее [8, с. 84-133]. С позиций ОТЦ принципиально важным является «выведение» стоимостных отношений не только в постэкономический мир, но и в сферу очеловечивания, а также приближение вплотную к сущностному различению стоимости и ценности. Заметным вкладом в разработку ОТЦ следует считать и обстоятельно осмысленное Т. Артемовой положение о предельной полезности, стоимости и цене, как *превращенных формах экономической ценности*, образующих ее единую сущность [1, 168-169]. Разумеется, нужно учитывать, что изначальным «месторождением» и ТТС, и ТПП является сфера опредмечивания, а потому вполне естественно сложившиеся в этих условиях исследовательские традиции, методы, инструментарий используются для изучения *современных стоимостных отношений*. Таков неизбежный и необходимый этап создания теорий и инструментария, адекватного последним.

Следует, однако, признать, что в условиях сетевой и цифровой экономики, экспансии знаний, информации и коммуникаций объяснительный потенциал *традиционных теорий стоимости*, даже усиленный позднейшими разработками, тает на глазах, а многочисленным новейшим концепциям, большинство из которых претендует скорее на функциональность, чем на фундаментальность, еще предстоит пройти проверку временем. Складывается впечатление, что новые реалии и проблемы, вызванные *экспансией очеловечивания* (производства человека), в том числе в сферу опредмечивания (сферу производства традиционного продукта), пока осмысливаются теоретиками преимущественно при помощи инструментария, доказавшего свою сравнительную эффективность в исследовании соответствующей *проблематики опредмечивания*, причем лишь искусственного. Абсолютно целинной остается проблематика стоимости и ценности в условиях древних цивилизаций, а, между тем, именно в момент рождения стоимость и ценность предстают в «первозданном виде», не замутненном мешающими случайностями и «примесями». На этом фоне актуализируется необходимость

идентификации субстанциональных оснований стоимости, определения форм их выражения и реализации в различных сферах жизнедеятельности, а также интеграционных механизмов, и посредством этого – продвижения в направлении *общей теории ценности* и ее развития. Разумеется, таковое должно сопровождаться тестированием и верификацией полученных научных результатов.

Формулирование целей статьи. Итак, целью статьи является использование полученных к настоящему времени базовых постулатов ОТЦ для исследования эквивалентного обмена сущностными человеческими силами между основными социальными кластерами первых государственных цивилизационных универсумных образований (госцунобров) Востока (Здесь вместо привычных терминов «группа», «слой», «сословие» будем использовать термин «кластер». Как убедительно показал В. Макаров, социальные кластеры, в отличие, например, от сословий, по определению равноправны [10, с. 139-145]). Нас в данном случае интересует равноправие социальных кластеров по отношению к объективному и «непредвзятому» принципу эквивалентности обмена СЧС. Есть основания предполагать, что изучение этой проблематики позволит не только *тестировать* указанные постулаты, но и *получить приращение знаний* в отношении неэквивалентности как катализатора изменения форм и элементов присвоения; противоречий между соцкластерами, экономическими акторами; оснований и механизмов их кластерной солидарности, взаимной трансляции СЧС и таким образом пополнить объяснительный арсенал установленной эмпирики циклично-поступательной эволюции первых цивилизаций. Внимание акцентируется на персонально-лично-частном, корпоративно-клановом (ПЛЧКрКл) присвоении в протофедеральном госцунобре нисходящей ветви цивилизационного цикла, поскольку именно в этот период утверждается частное присвоение, а также относительно развитые (в сравнении с предыдущими фазами цикла) товарные и рыночные отношения.

Изложение основного материала.

Стоимость, ценность, ценностные отношения

Употребление в новейших разработках термина «ценность» вместо «стоимость» опирается в том числе и на позицию К. Маркса, который уже во втором немецком издании первого тома «Капитала» (1873 г.) уходит от допускаемого в первом издании *терминологического отождествления Tauschwert и Wert* (послужившего основанием для Н. Даниельсона воспользоваться термином «стоимость», а не «ценность») и четко определяет *Tauschwert* как форму *Wert*. Это выраженное в изменении категориального аппарата продвижение К. Маркса в теории не было учтено в переводах

«Капитала» на русский язык [16], и современные попытки исправить ошибку можно только приветствовать.

Важно, однако, не упустить из виду принципиальное для судеб ОТЦ обстоятельство. То, что было весьма затруднительно помыслить *о стоимости*, само собою напрашивается в осмыслении *ценности*. Речь идет о философском и общенаучном значении этого термина, которое по-своему «переиначили» ученые-экономисты, и тех реальных процессах опредмечивания и очеловечивания, на адекватное отражение которых он изначально претендовал, и которые в современных условиях попадают в поле зрения экономистов-теоретиков. Из многих содержательных характеристик *ценности* осмелюсь выделить, на мой взгляд, *субстанциональные*, а потому – *общезначимые*.

Прежде всего, нужно учитывать, что *производство целостного человека* осуществляется не только в очеловечивании (очеловечивание в очеловечивании или непосредственное очеловечивание), но и активно внедряется в опредмечивание (очеловечивание в опредмечивании или опосредованное очеловечивание), а *производство традиционного продукта* осуществляется не только в опредмечивании (опредмечивание в опредмечивании или непосредственное опредмечивание), но и в очеловечивании (опредмечивание в очеловечивании или опосредованное опредмечивание) (см. рис. 1). Следовательно, в обеих субстанциональных сферах (опредмечивания и очеловечивания) опредмеченные СЧС являются продуктами опредмечивающей деятельности (опредмечивания), а очеловеченные СЧС (вчеловеченные, воплощенные в человеке) – результатами очеловечивающей деятельности (очеловечивания) (см. рис. 2).

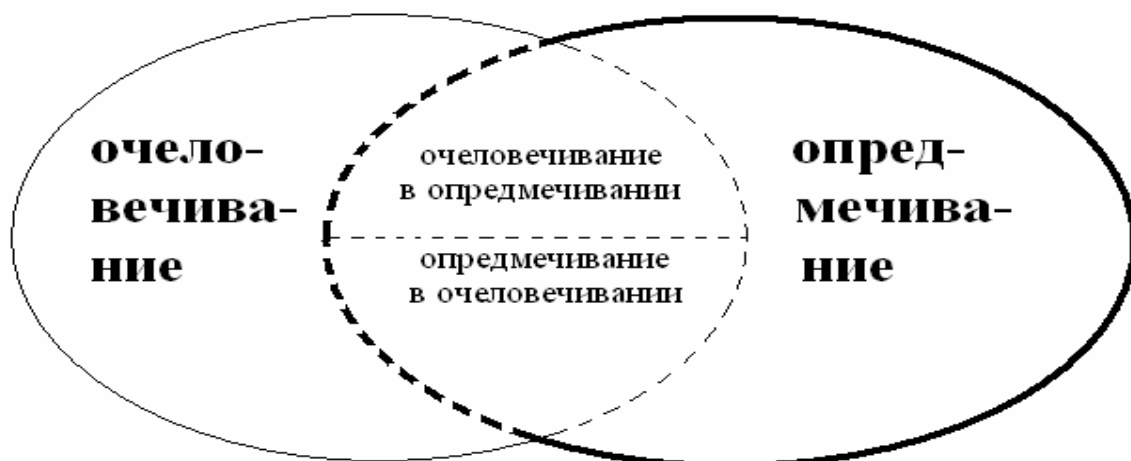

Рис. 1. Взаимопроникновение субстанциональных сфер жизнедеятельности

Как известно, фундаментальная экономическая наука рождается в условиях капиталистической индустриализации, доминирования капиталистического товарного опредмечивания, в котором основными средствами и продуктами являются опредмеченные СЧС – товары. Поэтому вполне закономерно объектом интенсивно разрабатываемых в этот период теорий стоимости (ТТС, ТПП, теория факторов производства (ТФП), теория издержек) становится капиталистическое опредмечивание, а предметом – стоимость (ценность) опредмеченных СЧС – товаров (благ). Иными словами,

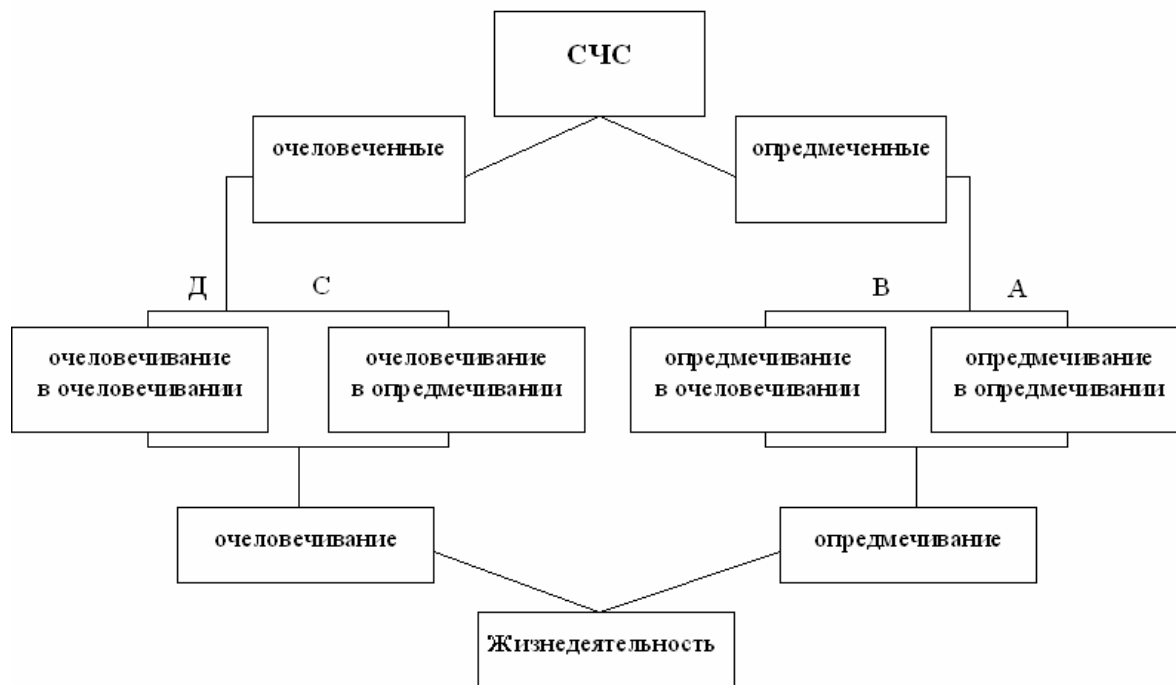

Рис. 2. Субстанциональные сферы жизнедеятельности и виды сущностных человеческих сил*

*Примечание. В сегменте (подсистеме) А опредмеченные СЧС являются средствами и продуктами опредмечивающей деятельности, которая осуществляется в сфере опредмечивания, т. е. опредмечивания в опредмечивании или непосредственного опредмечивания. В сегменте В опредмеченные СЧС выступают средствами и продуктами опредмечивающей деятельности в сфере очеловечивания, т. е. опредмечивания в очеловечивании или опосредованного опредмечивания. В сегменте С очеловеченные СЧС являются средствами и результатами очеловечивания в опредмечивании, т. е. опосредованного очеловечивания, а в сегменте Д – очеловечивания в очеловечивании, т. е. непосредственного очеловечивания.

внимание ученых концентрируется на изучении стоимостных отношений в сегменте (подсистеме) А (см. рис. 2) сверхсложной системы «жизнедеятельность – сущностные человеческие силы». Отдельные аспекты сегментов В, С и Д если и изучаются, то лишь в контексте основной исследовательской проблематики сегмента А. В тех условиях о каких-либо *особых* стоимостных отношениях в сегментах В, С и Д, *отличных* от стоимостных отношений в сегменте А, не могло быть и речи.

Повышение значимости современной сферы очеловечивания, выражающееся, в том числе, в прогрессе экономики знаний и информации, доминировании накопленных очеловеченных СЧС над опредмеченными СЧС (Например, к началу 1960-х годов в индустриально развитых странах произошел важнейший социальный сдвиг: количество «белых воротничков» начало превышать количество индустриальных рабочих [11, с. 23]), способствует изменению гносеологической ситуации. В новейших разработках в той или иной степени отражаются важные *объективные тенденции*: с одной стороны, экспансия опредмечивания в очеловечивание сопровождается распространением в последнем адекватных первому рыночно - стоимостных форм, а с другой стороны, прогресс очеловечивания и его экспансия в опредмечивание катализирует деструкцию адекватных опредмечиванию стоимостных отношений. Обе тенденции подтверждают известные положения об *историчности* стоимостных отношений, их имманентности только и исключительно товарному производству, об их постепенном отмирании и снятии. Но упомянутые новые экономические реалии вызывают к жизни и *неортодоксальные вопросы*. Связана ли экспансия стоимостных отношений в очеловечивание исключительно с проникновением в него капиталистического опредмечивания, или и самому *очеловечиванию имманентны* некие объективные основания для рождения и генезиса стоимостных форм? Если стоимостные отношения уйдут в небытие, то что ожидает их *общеэкономические основания*? В категориях диалектики общего и особенного – если стоимостные отношения суть особое историческое состояние сегмента А, являются ли они *особым* некоего *общего*, присущего не только сегменту А, но и сегментам В, С и D? Если да, то каковы особые проявления, состояния этого общего, адекватные сегментам В, С и D? Являются ли стоимостные отношения одной из особых исторических общественных форм некоего *общего* для всех сегментов жизнедеятельности *содержания*? В данном случае речь идет не о само собой разумеющихся деятельностных основаниях, а о тесно связанных с ними основаниях иного рода.

Наша *гипотеза о всеобщности и сложности ценностных отношений* заключается в следующем. Человеческая деятельность является субстанцией и основанием ценностных отношений (ЦО). Определенные содержательные характеристики (инварианты) деятельности и ЦО являются общими для всех сегментов (сфер) жизнедеятельности. Но в каждом особом сегменте в соответствии со спецификой деятельности ЦО и их инварианты обретают особые формы. Следовательно, согласно гипотезе, содержание ЦО в каждом сегменте жизнедеятельности суть противоречивое единство общей и особой составляющих. Например, *ЦО в опредмечивании* и *ЦО в очеловечивании*

обладают и *общими*, детерминируемыми инвариантами деятельности, и *особыми*, детерминируемыми спецификой соответственно опредмечивания и очеловечивания, *содержательными характеристиками*. В различных общественно – исторических условиях эти особые содержательные характеристики ЦО обретают соответствующие *социально-экономические формы*. В этом смысле, например, *стоимостные* отношения – исторически преходящая социально-экономическая форма особых, характерных для опредмечивания в опредмечивании ценностных отношений (см. рис. 3). На рис. 3 в виде упрощенной схемы представлено строение ЦО, включающее 9 сегментов. В фундаментальной экономической науке наиболее разработанной

Социально-экономические (общественные) формы ЦО	3 ? Стоимостные отношения ?	5 ?	7 ?	9 ?
Особые содержательные характеристики ЦО	2 ЦО в опредмечивании сферы опредмечивания	4 ЦО в опредмечивании сферы очеловечивания	6 ЦО в очеловечивании сферы опредмечивания	8 ЦО в очеловечивании сферы очеловечивания
Субстанциональные содержательные инварианты ЦО	1 ценностные отношения			
	----- Деятельность			

Рис. 3. Строение ценностных отношений в соответствии с гипотезой об их всеобщности и сложности

является проблематика стоимостных отношений, т. е. *третьего* сегмента ЦО. Правда, социально-экономические формы ЦО в опредмечивании сферы опредмечивания не исчерпываются стоимостными отношениями. Последние, по мнению ученых – марксистов, приходят на смену натуральным формам и снимаются планомерными. Но имеют ли эти формы какое-либо отношение к ценности? Что представляют собой ценностные отношения и их социально-экономические формы в иных сферах жизнедеятельности (сегменты 4 и 5; 6 и 7; 8 и 9)? На мой взгляд, *движение к ОТЦ* предполагает поиск ответов на поставленные вопросы и *заполнение многочисленных лагун* в познании объективных реалий, отражаемых указанными сегментами. Впрочем, это – тематика отдельных исследований. Здесь для нас важен образ ценности, диалектика ее общего и особого в эпоху первых цивилизаций Востока.

Ценность – феномен *общественный*, а значит, отражает вполне определенный класс взаимосвязанных субъект – субъектных и субъект –

объектных отношений, т. е. отношений между субъектами по поводу их отношения к объектам (такowymi при известных обстоятельствах могут быть и субъекты). Субстанционально, *ценность выражает отношения между акторами по поводу отношения* представляемого субъектом, т. е. *субъективного образа* (в том числе, образца, идеала) реального объекта к самому *реальному объекту*. Оптимальный вариант такого отношения – *соответствие* реального объекта субъективному представлению о нем или, выражаясь философским языком, – соответствие сущего должному и/или желаемому [15]. Как видим, ценность является единством и синергией *трех базовых элементов*: 1) *реальный объект*; 2) *субъективный образ* (образец, идеал) этого объекта; 3) *отношение соответствия* между объектом и его субъективным образом. Понятно, что степень такого соответствия может колебаться от положительных до отрицательных значений.

На первый взгляд может показаться, что в указанной дефиниции субъект – субъектные отношения как раз и не представлены. Но первое впечатление, как правило, обманчиво. *Прежде всего*, уже выделение человеком себя из окружающего мира предполагает известный уровень развития *человеческой деятельности*, которая не может быть не общественной и концентрирует в себе весь спектр субъект – субъектных отношений по поводу отношений субъект – объектных, в том числе, и *ценностные отношения*. *Во-вторых*, формирование образа объекта – вполне определенная составляющая человеческой жизнедеятельности, в которой сознательная деятельность с течением времени Большой истории лишь укрепляет свои позиции. Следовательно, *субъективный образ объекта* – результат жизнедеятельности и деятельности субъекта – общества, взаимодействия индивидуализированных *общественных субъектов*. Субъективный образ объекта – феномен общественный, а усиление индивидуализации этого образа свидетельствует об усложнении его общественного содержания. *В-третьих*, чем выше общественный человек (субъект – общество) поднимается по ступеням прогресса, чем более изощренными приемами сознательной деятельности он овладевает, тем 1) значимее в формировании образа объекта становятся общественные *потребности* не выживания во враждебном мире, а *развития субъекта*; 2) преобразование субъектом естественных, природных объектов в соответствии с образами, диктуемыми общественными потребностями, все более замещается созданием адекватных этим образам *искусственных реальных объектов*; 3) жестче становятся императивы сохранения и воспроизведения *естественных объектов*. Таким образом, в процессе деятельности не только формируется идеальный образ объекта, но и обеспечивается его реализация – *образ объекта становится реальным объектом*.

К коэволюции жизнедеятельности и ценностных отношений

Столь близкое «родство» жизнедеятельности и ценностных отношений является продуктом общественной эволюции. Уже в *поведенческих* инстинктивных реакциях протосубъектов проточеловеческого стада на внешние раздражители угадывается предыстория, *зародыши* ЦО: соответствие данного инстинкта вполне определенному раздражителю – объекту означает и соответствие последнего ранее выработанной инстинктивной реакции. Последняя как бы ищет соответствующий себе объект, чтобы актуализироваться. Естественные флуктуации и модификации объектов катализируют *кумулятивные* изменения инстинктивных реакций. Умножение состояний реальных объектов означает соответствующее умножение их воплощенных в инстинктивных реакциях «образов». Следовательно, усложняется и процесс «выбора» объекта, адекватного тому или иному «образу». В какой-то исторический момент жизнеобеспечивающий выбор становится невозможным без встраивания в цепь инстинктивных реакций вначале отдельных, а затем и цепочек целенаправленных действий. Так появляются метаповедение, преддеятельность и протожизнедеятельность, как их противоречивое единство, а упомянутый выбор дополняется элементами *сознательного* воздействия протосубъекта на реальный объект в соответствии с «образом» последнего.

В мезолите (протонеолите) усложнение условий и постепенная индивидуализация охоты на средних и мелких животных, начало их одомашнивания, появление лука и стрел, многочисленных микролитов, углубление специализации орудий труда теперь уже как доминирующих рабочих органов человека, постепенный переход многих общин к сезонно-оседлому образу жизни, от кровнородственной к соседской общине, утверждение патриархата свидетельствовали о кардинальных сдвигах в протожизнедеятельности. Преддеятельность становится более регулярной, систематичной, осознанной и разделенной, начинает развиваться на своей собственной – не инстинктивной или метаинстинктивной – основе и в этом смысле рождает *деятельность*.

В то же время в метаповедении происходит дальнейшее усложнение бессознательных инстинктивных реакций, более значимым становится чувственное сознательное и соответствующее ему подсознательное начало. Это означает появление *человеческого поведения*. В меру указанных изменений протожизнедеятельность трансформируется в *жизнедеятельность*. В ряду условий и предметов последней все более заметное место начинает занимать искусственная, рукотворная природа. По-прежнему основная масса орудий

изготавливается из предметов природы, но уже систематическим становится применение в этих целях искусственных орудий.

Указанные кардинальные сдвиги было бы неверно абсолютизировать и вырывать из богатого контекста доминирующего физического производства общины и каждого общинника. Биоочеловечивание господствует, социоочеловечивание и опредмечивание зарождаются, а сколько-нибудь устойчивое разделение между ними отсутствует. По справедливому замечанию В. Петрова-Стромского, «человек рождается и живет в смысле, от которого производна любая целесообразность. Поэтому как изобретение, так и технологическая эволюция, например, каменного ножа или топора, совершаются прежде всего в системе целостного ритуально-мифологического смысла жизни, в котором находят свое место – целесообразное этому смыслу – и еда, и охота, и «быт». Абсолютное преобладание в любом материальном орудии социально-знаковой функции делало его прежде всего и даже главным образом мировоззренческим инструментом, к которому неприменимы критерии предметной технологической орудийности, ориентированной на внешнюю целесообразность» [12, с. 157]. Это означает *соответствие* примитивно и неустойчиво разделенной, а потому преимущественно синкретичной жизнедеятельности и *деятельности* целостной, синкретичной, но уже «беременной» многообразием *ценности*. Главным ее субъектом, объектом и субъективным образом является родовая община, которая соотносится сама с собой, а общинники выступают ее неотъемлемыми составляющими-атрибутами.

Именно *тотальной* и неразличенной *ценностью* рода полуосознанно руководствовались наши предки, строго следуя протоинституту талиона в актах кровной мести, межродового обмена женщинами, а также продуктами. Речь идет об *эквивалентности, равенстве* именно *цельных ценностей* обмениваемых женщин и/или продуктов, а не каких-либо отдельных составляющих этих ценностей. Так, при обмене женщинами принималась в расчет *ценность их совокупных СЧС* – и *воплощенных* (накопленных), и *настоящих* (текущих - актуализированных умений, навыков, способностей), и *будущих*, потенциальных (например, возможности будущего деторождения). Кстати, в известных теориях ценности будущая, потенциальная составляющая СЧС представлена неубедительно в сравнении с прошлой и настоящей. В литературе нередко указывается на неэквивалентный характер обмена продуктами между первобытными общинами, а также между европейцами и аборигенами в эпоху Великих географических открытий и колонизации Нового света. При рассмотрении таких актов обмена с позиций равенства либо затрат, либо полезности обмениваемых продуктов (в соответствии с ортодоксальными теориями ценности) упускается из виду принципиальное обстоятельство: в

своих решениях первобытный человек *руководствовался* не какой-либо отдельной составляющей ценности – затратностной, полезностной или иной, а протоинституционально закрепленной и особым образом понимаемой *цельной ценностью* (Вследствие неразвитости абстрактного мышления первобытный человек не осознает принципиальные различия между образом объекта и самим объектом, к примеру, принимая сновидения за реальность). Поэтому обмен золота на стеклянную безделушку он вполне мог считать справедливым, отвечающим требованиям талиона, а потому и выигрышным для себя.

Неолитическая революция открывает *новый этап* коэволюции деятельности и ценности. Эпоха синкретичности уступает исторические позиции *эпохе* их сопряженной и когерентной *разделенности*. Речь идет, по крайней мере, о трех взаимосвязанных направлениях их коэволюции. *Прежде всего*, происходит *устойчивое разделение* жизнедеятельности и деятельности на *опредмечивание и очеловечивание*, первого – на земледельческую, скотоводческую и ремесленную деятельность, а второго – на духовную, социальную и политическую деятельность. Активное выделение в указанных видах деятельности многочисленных соподчиненных подвидов не поддается краткому описанию. Впрочем, для характеристики предпосылок ОТЦ уместнее иное: вместе с обособлением сфер опредмечивания и очеловечивания синкретичная *ценность* распадается на две особые *составляющие* – экономическую (ценность в опредмечивании) и социальную (ценность в очеловечивании) (в данном случае термин «социальная ценность» обозначает ценность очеловеченных СЧС как продуктов очеловечивающей деятельности), адекватные специфике этих сфер. Однако обмен эквивалентными ценностями очеловеченных и опредмеченных СЧС сохраняет свою значимость. Имеется в виду обмен: 1) опредмеченных СЧС на опредмеченные СЧС; 2) очеловеченных СЧС на очеловеченные СЧС; 3) очеловеченных СЧС на опредмеченные СЧС и в *общине* между старейшиной, шаманом, вождем, с одной стороны, и общинниками, - с другой, и в первых восточных *цивилизациях*, например, между властной группой и общинниками – производителями, и в последующих *способах производства*, например, между собственниками и/или производителями опредмеченных и/или очеловеченных СЧС, с одной стороны, и потребителями указанных СЧС, - с другой. С позиций ортодоксальной ТТС для азиатского способа производства характерна *властно-собственническая эксплуатация* властной корпорацией общинников – производителей материального продукта в форме присвоения львиной доли избыточного продукта посредством механизма редистрибуции. Как видим, здесь не учитывается обмен продуцируемых властной корпорацией очеловеченных СЧС на опредмеченные СЧС общинников. Разумеется, такой определяемый

системой власти – собственности обмен может быть и эквивалентным, и не эквивалентно – эксплуататорским, но в любом случае он должен приниматься в расчет.

Ценностное измерение обмена сущностными человеческими силами

Необходимые допущения

Итак, в дальнейшем мы будем руководствоваться принципом *эквивалентности ценностей* обмениваемых СЧС, то есть результатов деятельности, а не самой деятельности и ее отдельных составляющих. Но каких СЧС – совокупных, воплощенных (прошлых), текущих (настоящих), будущих? *С одной стороны*, с универсумных позиций наиболее корректным представляется сравнение ценностей совокупных СЧС. Именно обмен между ними должен быть эквивалентным. Поскольку же неотъемлемыми составляющими совокупных СЧС являются воплощенные, текущие и будущие СЧС, то эквивалентность обмена ценностями этих составляющих (в разных сочетаниях) не столь императивна. Именно через и посредством *неэквивалентно-эквивалентного* обмена между ними достигается равенство ценностей обмениваемых совокупных СЧС. Например, в обмене между субъектами А и Б ценность текущих СЧС субъекта А может превышать ценность текущих СЧС субъекта Б, а ценность воплощенных СЧС, - напротив, быть меньше. Подобным может быть и соотношение ценностей воплощенных и будущих СЧС субъектов А и Б (В дальнейшем исследовании обмена СЧС доминируют именно социальные кластеры – агрегированные субъекты, а не субъекты – отдельные индивидуальности). Через и посредством указанных неравенств пробивает себе дорогу равенство ценностей совокупных СЧС. *С другой стороны*, эти неравенства ценностей отнюдь не абсолютны. С учетом их относительности и временности, а также ввиду необходимости специальных исследований обмена совокупными СЧС (что не является нашей задачей), уместно ограничиться допущением о тенденции к эквивалентности в обмене текущими СЧС.

Не менее важное допущение в изучении обмена СЧС в рассматриваемый период связано с соотношением полезностной и затратностной ценности. О чем идет речь? Развивая обозначенное еще Аристотелем различие затрат и полезности, как оснований обмена продуктами, авторы и приверженцы ортодоксальных теорий ценности изучают преимущественно либо *затратностную* составляющую экономической ценности (*затратностную ценность*), которая более характерна для *производства* продукта, либо *полезностную* составляющую экономической ценности (*полезностную ценность*), которая более характерна для *личного потребления* продукта. Предпринимаются попытки теоретического синтеза затратностной и

полезностной ценности. Здесь мы будем исходить из того, что *затратностность* и *полезностность* являются взаимосвязанными *субстанциональными инвариантами* ценностных отношений, независимо от времени и места существования последних. Следовательно, ценность обмениваемых СЧС включает обе составляющие, которые будем суммировать следующим образом:

$$ПЦСЧС_1 + ЗЦСЧС_2 = ПЦСЧС_2 + ЗЦСЧС_1,$$

где СЧС₁ и СЧС₂ - группы обмениваемых СЧС первого и второго субъекта соответственно;

ПЦСЧС₁ и ПЦСЧС₂ - полезностная ценность группы СЧС первого и второго субъекта соответственно (Следует учитывать, что полезностная ценность может принимать как положительные, так и отрицательные значения, то есть быть позитивной и негативной для потребителя);

ЗЦСЧС₁ и ЗЦСЧС₂ – затратностная ценность группы СЧС первого и второго субъекта соответственно.

Указанное допущение освобождает нас от необходимости специального выделения затратностной и полезностной ценности СЧС в отдельных актах обмена. Возможная синергия и субституция полезностной и затратностной ценности здесь не учитывается. Базой, «общим знаменателем» их суммирования являются общие для них качественные характеристики, которые, к сожалению, отнюдь не очевидны.

В дальнейшем не ставится задача определения *особых* содержательных характеристик ценностных отношений в сферах опредмечивания, очеловечивания и областях их взаимопроникновения, поскольку разграничительные линии между ними в рассматриваемый период еще не обрели достаточно четких очертаний, и их (содержательных характеристик) научное исследование соответствующим образом усложняется. Разумеется, оно возможно, но здесь внимание акцентируется как на субстанциональных инвариантах ценности, так и на ее *социально-экономических формах*. Последние непосредственно связаны с ПЛЧКлКр-ным присвоением СЧС, его взаимодействием с иными формами ВС и присвоения, например, частного, а также распределением элементов присвоения между различными субъектами. Например, социально-экономическая природа *эксплуатации* выводится из перманентного процесса детерминации неэквивалентного обмена СЧС тем или иным характером их присвоения. Основными *субъектами* обмена являются «верхи» - ВГосГР, ее светская и жреческая ветви, центральный, региональный и местный уровни, правитель, верховный жрец, родовая аристократия, неродовитые назначенцы всех ветвей и уровней, - и «низы» - крестьяне, ремесленники, купцы, слуги и др. На рис. 4 (а, б, в) и 5 схематизированы

обменные взаимодействия указанных субъектов (Взаимная детерминация экзо- и эндоприсвоения здесь не анализируется, а потому об *акторах* присвоения и обмена речь не идет).

По понятным причинам в дальнейшем акцентируются лишь некоторые взаимодействия, а именно между: 1) «верхами» и «низами» (рис. 4а), 2) светской и жреческой ветвями ВГосГр-ы (рис. 4б,в), 3) светской ветвью и «низами» (рис. 5), 4) различными компонентами светской ветви ВГосГр-ы (рис. 5). Подобным образом в качестве *продуктов (объектов)* обмена рассматриваются лишь наиболее значимые СЧС: 1) опредмеченные – продукт (услуга), в т.ч., избыточный, прибавочный и необходимый, как составляющие ренты-налога; 2) очеловеченные – знания и умения, протоинституты и собственно институты.

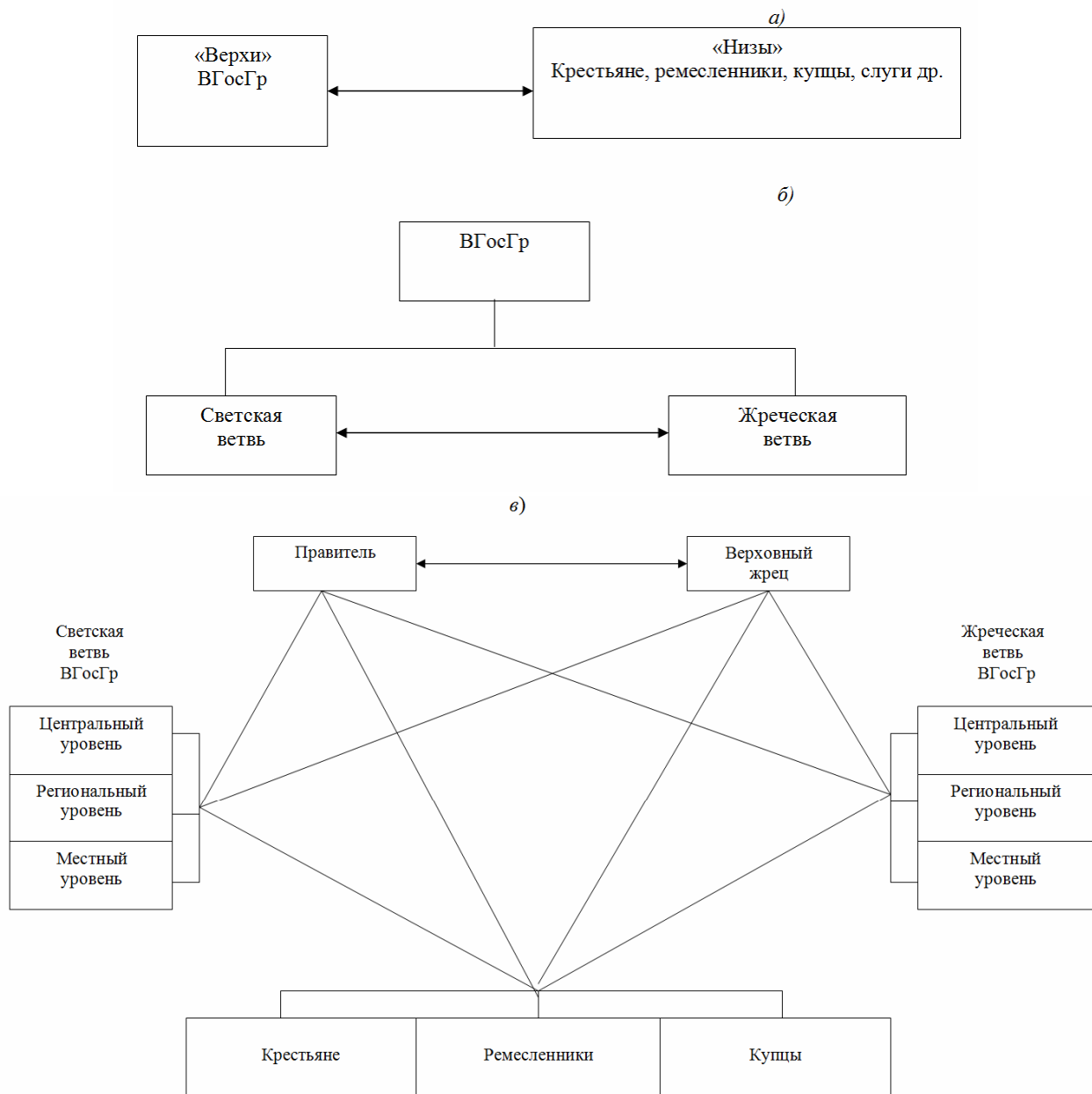

Рис. 4. Обменные взаимосвязи между субъектами госцунобра

Обмен сущностными человеческими силами между «верхами» и «низами»

В обменных взаимодействиях «верхов» и «низов» первые представлены ВГосГр-ой – единым агрегированным субъектом монолитной и недифференцированной государственной собственности – формы ПЛЧКлКр-го присвоения следующих объектов: 1) земля (в широком смысле, включая недра, водные ресурсы и др.); 2) крупные орудия деятельности, в т.ч., политической, религиозной, военной; 3) экономические, политические (оборонные, охранительные, управленческие и др.), духовные (религиозные) и социальные услуги (Усв); 4) очеловеченные СЧС (СЧСочв) – знания, умения, навыки, информация; 5) многочисленные протоинституты, в т.ч., II рода (ПИВ); б) собственно институты как продукты институциональной деятельности, в т.ч. – присвоения объектов, насилия, редистрибуции, права, морали, религиозные (СИВ).

В зависимости от обстоятельств объектами коллективно-индивидуального (КИ), лично-коллективного (ЛК), лично-коллективно-кланового (ЛККл) присвоения «низами» являются: 1) произведенный продукт

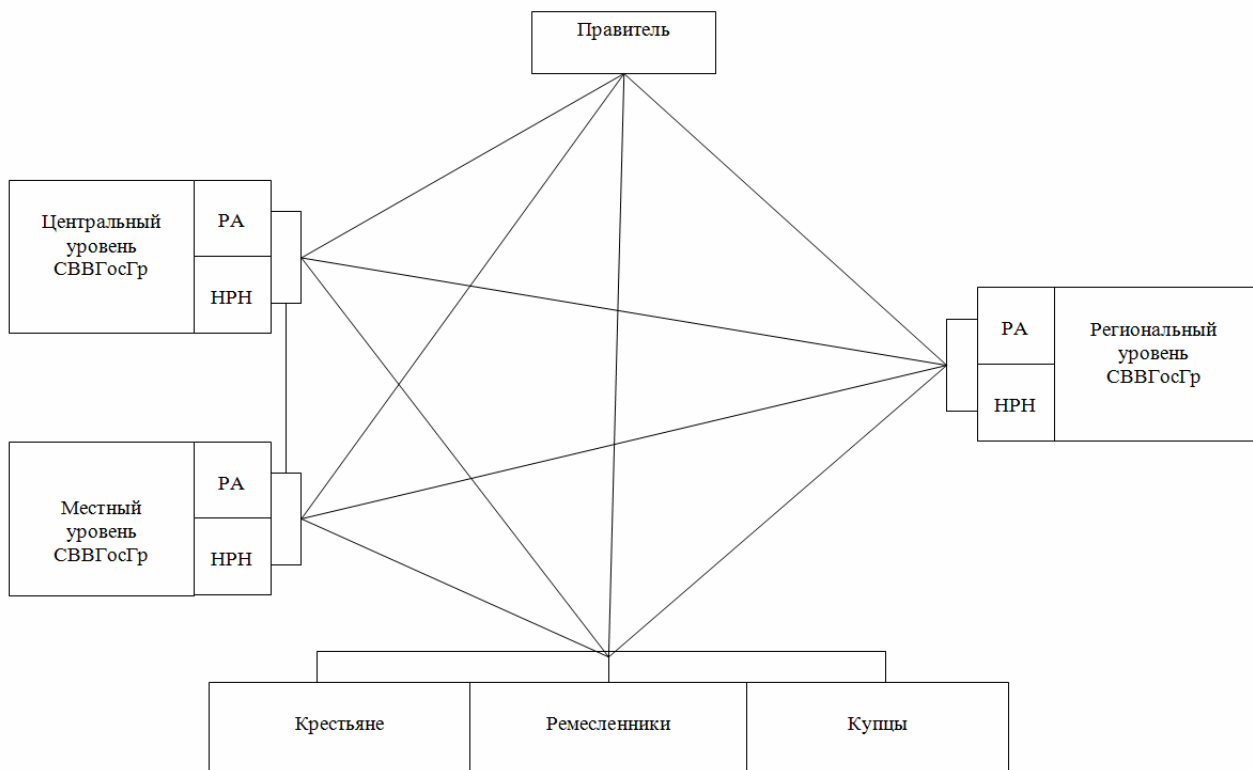

Рис. 5. Обменные взаимосвязи между светской ветвью и «низами», а также ее разными уровнями

(Прн), в том числе, избыточный, прибавочный и необходимый (ИПрн, ППрн и НПрн, соответственно); 2) мелкие орудия труда; 3) очеловеченные СЧС – знания, умения, навыки, прежде всего, хозяйственные и религиозные (СЧСочн);

4) не менее многочисленные, чем у «верхов», протоинституты, например, нравственности (ПИн); 5) относительно немногочисленные специфические собственно институты, главным образом, технологические паттерны (СИн). Частное присвоение мелких орудий труда, с одной стороны, «вплетено в ткань» КИ, ЛК и ЛККл-го присвоения, а с другой, - распоряжение, как его ключевой элемент, детерминировано властью-собственностью.

Даже если ограничиться агрегированными *текущими* СЧС (СЧСтек) «верхов» и «низов», то набор возможных актов обмена между ними оказывается весьма внушительным (рис. б). На самом деле он еще более сложен, поскольку, *во-первых*, обмениваются не только подобные или однопорядковые СЧСтек, но и их сочетания. Например, комплекс Пн и СЧСочн может обмениваться на Усв или комплекс Усв и СИв; *во-вторых*, каждый из представленных агрегатов включает вполне определенный набор объектов присвоения и обмена. Так, агрегат СИв включает, по крайней мере, СИ присвоения объектов, насилия, редистрибуции, морали, права, религии. Здесь мы ограничимся рассмотрением актов обмена, наиболее значимых для целей настоящего исследования.

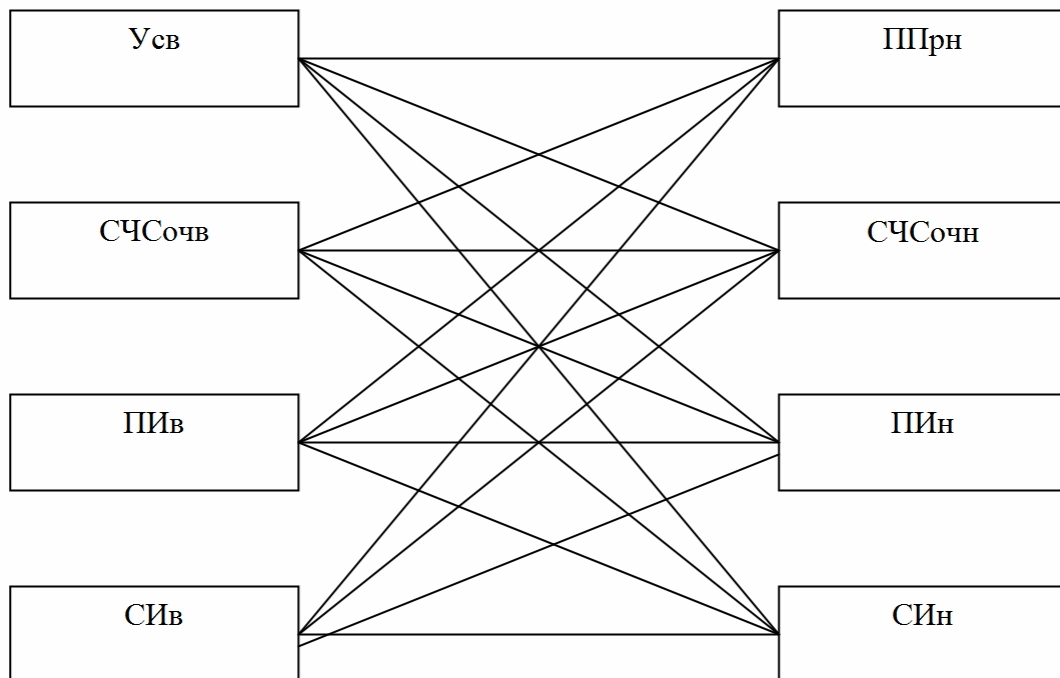

Рис. б. Акты обмена агрегированными текущими СЧС «верхов» и «низов»

С позиций стандартной ТТС присвоение ВГосГр-ой в форме ренты-налога прибавочного и части необходимого продукта, произведенного «низами», является эксплуататорским. Но стандартная ТТС не покидает сферу опредмечивания. Использование же вышеупомянутых постулатов *общей*

теории ценности, пытающейся распространить свое влияние на обе сферы – опредмечивания и очеловечивания, - позволяет несколько сместить исследовательские акценты. В частности, речь идет о возможности достижения *эквивалентности в обмене общих масс СЧСтек* «верхов» (СЧСтекв) и «низов» (СЧСтекн) в процессе и результате неэквивалентно-эквивалентного обмена ряда однопорядковых или подобных составляющих этих СЧСтек.

Наиболее очевидно *подобие* производимого «низами» *продукта* и производимых «верхами» *услуг*. С позиций стандартной ТТС эксплуататорское по своей природе присвоение «верхами» ценности производимого «низами» прибавочного продукта (как части избыточного продукта) означает детерминируемый системой власти-собственности перманентный неэквивалентный обмен ИПрн на Усв (здесь принято, что продукт выступает результатом материальной деятельности, а услуга, - нематериальной) – величина ценности первого (ЦИПрн) превышает величину ценности последних (ЦУсв) на величину ценности прибавочного продукта «низов» (ЦППрн): $ЦИПрн - ЦУсв = ЦППрн$. В категориях избыточного и прибавочного продукта речь идет о неэквивалентном обмене избыточного продукта «низов» (ИПрн) на избыточные услуги «верхов» (ИУсв) – величина ценности первого (ЦИПрн) превышает величину ценности последних (ЦИУсв) на величину ценности прибавочного продукта «низов» (ЦППрн): $ЦИПрн - ЦИУсв = ЦППрн$. Если «верхи» присваивают весь ИПрн, то последний в полном объеме принимает форму ППрн. В случае присвоения «верхами» части ИПрн, остающаяся в распоряжении «низов» часть ИПрн используется ими для расширенного воспроизводства своей жизни. Неэквивалентность усугубляется в случае присвоения «верхами» всего избыточного и части необходимого продукта «низов». Компенсируется ли указанная отрицательная для «низов» неэквивалентность в процессе обмена иными подобными СЧСтек «верхов» и «низов»?

Следует констатировать, что *обмен очеловеченными СЧС* «верхов» и «низов» не столь однозначен. Очевидно, в обмене управленческих и хозяйственных знаний «верхов» (СЧСочвухз) на хозяйственные знания «низов» (СЧСочнхз) величина ценности последних превышает величину ценности первых: $ЦСЧСочнхз > ЦСЧСочвухз$. Это верно и для обмена знаниями о протоинститутах: $ЦСЧСочнпиз > ЦСЧСочвпиз$, - «верхи» гораздо в большей степени склонны скрывать свои управленческие, хозяйственные и протоинституциональные «секреты», чем «низы». Напротив, объем известным образом отобранных и транслируемых «верхами» «низам» религиозных знаний (СЧСочврз) превышает объем подобных знаний, получаемых «верхами» от «низов» (СЧСочнрз), так что $ЦСЧСочврз > ЦСЧСочнрз$. Как видим, пока

отрицательная для «низов» неэквивалентность обмена превышает положительную.

Исходя из постулата эквивалентности обмена общих масс СЧСтек, следует ожидать соответствующей положительной для «низов» неэквивалентности в *обмене собственно институтами*. Действительно, величина ценности технологических паттернов «низов» (ЦСИнтп) значительно уступает величине ценности многочисленных собственно институтов, продуцируемых «верхами» (ЦСИв): $ЦСИнтп < ЦСИв$. Однако, поскольку многие из этих собственно институтов отторгаются «низами» в силу неадекватности протоинститутам «низов», чуждости, несправедливости и других причин, то есть негативной полезностной ценности, постольку они навязываются «низам» посредством орудий и собственно институтов насилия. «Низы» отторгают многие продуцируемые «верхами» собственно институты, но далеко не все. Так, практически беспрепятственно присваиваются 1) собственно институты, обладающие позитивной полезностной ценностью, в том числе, те, которые адекватны ПИИ, например, религиозные; 2) собственно институты владения и использования земли, управления крупными хозяйственными и/или культовыми объектами и др.

Преобразовав и суммировав приведенные выше неравенства, получим укрупненное строение и структуру обмениваемых СЧСтек «верхов» и «низов»:

$$\begin{aligned} &ЦУсв+ЦСЧСочвухз+ЦСЧСочвпиз+ЦСЧСочврз+ЦСИв = \\ &= ЦППрн+ЦСЧСочнхз+ЦСЧСочнпиз+ЦСЧСочнрз+ЦСИнтп. \end{aligned} \quad (1)$$

Императивным условием достижения эквивалентности обмена общих масс СЧСтек «низов» и «верхов» является насилие «верхов» в отношении «низов». В этом смысле в составе СИв ключевую роль играют СИ насилия, а их ценность является определяющей в указанном равенстве ценностей СЧСтек «верхов» и «низов».

Но всякое насилие чревато ответной реакцией. Возможные направления последней и зоны напряжения отношений «верхов» и «низов» становятся более определенными именно в контексте обмена их СЧСтек. *Во-первых*, не является секретом вывод о том, что длительное присвоение «верхами» необходимого продукта (НП) «низов» ведет к подавлению базовых инстинктов последних, прорыву тонкого культурно-протоинституционального слоя их психики, массовым стихийным выступлениям, способным обрушить и существующее государственное устройство, и господствующую форму ВС. *Во-вторых*, нельзя недооценивать менее очевидную, но не менее значимую в длительном периоде кризисогенную и децентрализующую роль присвоения «верхами» *всего* ИП

«низов», в том числе, той его части, которая предназначена для расширенного воспроизводства их совокупных СЧС. Происходящая таким образом блокировка культурного канала движения природной пассионарной энергии и ее трансформации в энергию общественную неизбежно приводит к накоплению допротоинституционального, дообщественного протестного потенциала.

Первое и второе обстоятельства в известной мере объясняют феномены декультуризации и варваризации цунобров в эпохи децентрализации и распада государств. Не способствует культуризации «низов» и *третья* зона упомянутого напряжения. Речь идет о значительной закрытости для «низов» огромного массива знаний и информации «верхов», усилении разрыва между уровнями их грамотности, что отнюдь не укрепляет духовный и социальный фундамент экономического прогресса. Растущие и все более «изысканные» потребности «верхов» наталкиваются на ими же воздвигнутые интеллектуальные ресурсные ограничения, которые они («верхи») пытаются преодолеть экстенсивным увеличением масштабов присвоения избыточного и необходимого продукта «низов».

В-четвертых, целый ряд продуцируемых «верхами» и транслируемых «низам» СИ неадекватны соответствующим протоинститутам «низов», например, нравственности, морали, редистрибуции, а собственно институциональное принуждение «низов» к следованию указанным СИ увеличивает потенциал пассивной и активной (силовой) гетерофобии и СИ, и их творцов, катализирует желание «низов» к созданию СИ, адекватных ПИ.

Совершенно очевидно, что рост напряженности в отношениях «верхов» и «низов» отнюдь не сокращает расстояние между их институциональными субкультурами, приближает момент их жесткого столкновения и обрушения государственности и господствующих форм ВС. Покорению ослабленного госцунобра менее цивилизованными завоевателями нередко способствует их поддержка его «низам» в силу и относительно большей близости их («низов» и завоевателей) институциональных субкультур в сравнении с субкультурами «низов» и «верхов», и повышенных ожиданий лучшего будущего.

Обмен сущностными человеческими силами между властными светской и жреческой группами

Принадлежность светской и жреческой ветвей ВГосГр-ы к единой «элитарной» субкультуре не является безусловной гарантией их монолитного единства. В борьбе между собой за власть и богатство они могут апеллировать не только к зарубежным «верхам», но и к «низам». Впрочем, последнее не характерно для рассматриваемых здесь присвоения и обмена в условиях протофедерального госцунобра нисходящей ветви цивилизационного цикла. Безусловно доминируют внутренние обменные операции между упомянутыми

ветвями как агрегированными субъектами – *властной светской группой* (ВСГр) и *властной жреческой группой* (ВЖГр) соответственно. Характер этих операций детерминирован, прежде всего, господствующим ПЛЧКлКр-ым присвоением, распределением между указанными субъектами объектов и элементов последнего, а также видов и подвидов деятельности.

Формально, верховным собственником всех крупных и значимых объектов (земля, ирригационные сооружения, храмы, культовые центры и т.п.) является правитель как сын Бога или сам Бог. Но реальное распоряжение, владение, управление религиозными объектами, в том числе, храмовым хозяйством, соответствующими протоинститутами (ПИ), собственно институтами (СИ), знаниями и информацией, а также соответствующие доходы сосредоточены в руках ВЖГр-ы. Она специализируется на накоплении, хранении и передаче хозяйственного и управленческого опыта, многих ПИ и СИ, прежде всего, нравственности и морали, религиозных и образовательных услуг, создании условий для производства продукта в храмовых хозяйствах. В свою очередь, ВСГр-а обеспечивает ВЖГр-у земельными угодьями, продуктом, необходимыми СИ присвоения, права, редистрибуции, некоторыми услугами, в том числе, управленческими, хозяйственными, принуждения.

Ключевой составляющей *текущих* обменных взаимодействий «верхов» является *обмен* изъятой ВСГр-й у «низов» части прибавочного продукта на продуцируемые ВЖГр-ой услуги по сакрализации правителя и религиозному освящению существующего общественного устройства (Строго говоря, речь идет об *избыточной* части указанных услуг, ибо их *необходимая* часть обеспечивает сакрализацию и освящение самой ВЖГр-ы):

$$\Delta ППрВСГр \leftrightarrow \Delta УсВЖГр.$$

Неравенство их ценностей свидетельствует о неэквивалентном обмене. Если

$$\Delta ППрВСГр > \Delta УсВЖГр \quad (2)$$

на протяжении длительного периода, то, даже не осознавая глубинных причин и руководствуясь понятным всем стремлением к власти и богатству, ВСГр-а начинает все настойчивее претендовать на объекты присвоения и «полномочия» ВЖГр-ы. Это может выражаться, в частности, в захвате ВСГр-ой функций оперативного управления хозяйствами храмов и жрецов, а также всей властной жреческой «вертикалью» с вытекающими отсюда последствиями, например, в отношении присвоения доходов храмовых хозяйств и культовых центров. Напротив, если

$$\text{ЦДППрВСГр} < \text{ЦДУсВЖГр}, \quad (3)$$

то ВЖГр-а наряду с сокращением (и ухудшением «качества») предоставляемых ВСГр-е услуг по сакрализации и освящению может начать кампанию по смене правителя или правящей династии. В категориях обмена речь идет о *компенсации* негативной неэквивалентности в обмене продукта и услуг на позитивную неэквивалентность в обмене иными объектами.

Так, в случае (2) в стандартном обмене продуцируемых ВСГр-й СИ на трансформируемые ВЖГр-й ПИ наряду с более жесткими в отношении последней СИ права и редистрибуции могут появиться «услуги» принуждения к исполнению последних, и таким образом производимый в хозяйствах храмов и жрецов ППр может изыматься в казну правителя. Тогда равенство ЦСИВСГр = ЦПИВЖГр преобразуется в неравенство

$$\text{ЦСИВСГр} + \text{ЦСИРдВСГр} + \text{ЦУспринВСГр} < \text{ЦПИнрВЖГр} + \text{ЦППрВЖГр}, \quad (4)$$

где ЦСИРдВСГр - ценность собственно институтов редистрибуции; ЦУспринВСГр – ценность «услуг» принуждения; ЦПИнрВЖГр – ценность протоинститутов нравственности; ЦППрВЖГр – ценность прибавочного продукта, производимого в хозяйствах храмов и жрецов.

В случае (3) ВЖГр-а резко сокращает объем предоставляемых ВСГр-е услуг по сакрализации и освящению ее власти и таким образом добивается передачи в свое ведение многих продуцируемых ВСГр-й СИ. Неравенство (3) преобразуется в неравенство

$$\text{ЦДУсВЖГр} < \text{ЦДППрВСГр} + \text{ЦДСИВСГр}. \quad (5)$$

Необходимым условием поступательного развития госцунобра является обмен между ВСГр-й и ВЖГр-й соответствующими знаниями, умениями, информацией. Попытки же их сокрытия одной из сторон, стремление, выражаясь современным языком, к информационной асимметрии или оппортунистическому поведению рождает неэквивалентный обмен и подобные описанным выше ответные действия.

Обмен сущностными человеческими силами между
центральный и региональным уровнями светской власти

Не менее сложны обменные взаимодействия между центральным и региональным уровнями светской ветви ВГосГр-ы. Эти уровни могут быть представлены в качестве агрегированных субъектов обмена – *центральной властной светской группы* (ЦВСГр) и *региональной властной светской группы*

(РВСГр), соответственно. Разумеется, обе группы имеют вполне определенные строение и структуру. Так, в их состав входят родовая аристократия, утвержденцы, назначенцы, клановые и корпоративные подгруппы, которые отнюдь не свободны от обмена деятельностью. Однако здесь анализируются преимущественно не внутригрупповые обменные взаимодействия, а *межгрупповые*, в том числе взаимодействия между отдельными представителями (индивидами) этих групп (агрегированных субъектов). В дальнейшем будем исходить из того, что оба субъекта и входящие в их состав индивиды подчинены императивам, прежде всего, ПЛЧКлКр-го присвоения объектов, а его главные элементы (прежде всего, распоряжение и владение) и объекты распределены между субъектами и индивидами следующим образом.

Как и в условиях деспотии, верховным собственником всех *земель* считается правитель. Однако реально его безусловные *распорядительные* полномочия простираются только на его родовые земли и дворцовое хозяйство. Право *владения* ими (и землями, и хозяйством) он передает близким родственникам и/или неродовитым назначенцам. В этом случае СИ владения землями правителя (СИВзп) и соответствующие СИ права (СИПвзп), которыми распоряжается правитель, обмениваются на производимый на указанных землях прибавочный продукт (ППрзп) и прибавочные услуги, оказываемые правителю владельцами его земли (ПУсвзп):

$$\text{СИВзп} + \text{СИПвзп} \leftrightarrow \text{ППрзп} + \text{ПУсвзп}.$$

Поскольку часть родовых земель правителя и часть дворцового (государственного) хозяйства располагается в регионах, эквивалентность обмена собственно институтов на прибавочный продукт имеет принципиальное значение для сохранения целостности госцунобра. В самом деле. Вряд ли стоит сомневаться в изначальном неравенстве их ценностей:

$$\text{ЦСИВзп} + \text{ЦСИПвзп} < \text{ЦППрзп} + \text{ЦПУсвзп}. \quad (6)$$

В средне- и долгосрочном периоде такая негативная для владельцев земли правителя неэквивалентность может привести, и, как правило, приводит к теневому присвоению последними прибавочного продукта и прибавочных услуг, части необходимого продукта крестьян, ремесленников и торговцев, а также сращиванию указанных владельцев, как представителей ЦВСГр-ы, с РВСГр-ой и переориентации продуктовых потоков в региональную казну. Поэтому по распоряжению правителя определенная часть ППрзп ($\Delta 2\text{ППрзп}$) и часть ПУсвзп ($\Delta 2\text{ПУсвзп}$) остается в руках владельцев земли. Львиная же доля

прибавочного продукта и прибавочных услуг - $\Delta 1\text{ППрзп}$ и $\Delta 1\text{ПУсвзп}$ – концентрируется в центральной казне. В результате подобной переориентации неравенство (6) преобразуется в следующее равенство:

$$\text{ЦСИвзп} + \text{ЦСИПвзп} + \text{Ц}\Delta 2\text{ППрзп} + \text{Ц}\Delta 2\text{ПУсвзп} = \text{Ц}\Delta 1\text{ППрзп} + \text{Ц}\Delta 1\text{ПУсвзп}.(7)$$

Следует признать, что указанное равенство не является устойчивым. С одной стороны, правитель не лишен соблазна получить дополнительные доходы от позитивной для себя неэквивалентности обмена. С другой стороны, в позитивной для себя неэквивалентности обмена заинтересованы и владельцы земли, ибо стремятся к умножению своего богатства и престижа. Например, неродовитые назначенцы, как правило, используют часть сокрытого от правителя прибавочного продукта, а также часть необходимого продукта «низов» для покупки в частичное частное распоряжение объектов недвижимости, в том числе, земельных участков. Разумеется, такие действия носят центробежный для госцунобра характер.

Если родовые земли и дворовое хозяйство правителя находятся в его безусловном и формальном, и реальном распоряжении, то в отношении *родовых земель региональной аристократии* он вынужден довольствоваться статусом преимущественно формального распорядителя. Сосредоточенное в руках РВСГр-ы реальное распоряжение может быть возвращено правителю лишь в результате полномасштабных военных действий. Но их положительный исход для правителя отнюдь не очевиден. Этим условиям соответствуют нижеследующие особенности обмена части распорядительных полномочий правителя на часть «регионального» прибавочного продукта:

$$\Delta\text{СИрзра} + \Delta\text{СИПрзра} \leftrightarrow \Delta 1\text{ППрзра},$$

где $\Delta\text{СИрзра}$ – собственно институты частичного распоряжения родовыми землями региональной аристократии;

$\Delta\text{СИПрзра}$ – собственно институты права, регулирующие указанное частичное распоряжение;

$\Delta 1\text{ППрзра}$ – часть прибавочного продукта, производимого на родовых землях региональной аристократии и концентрируемого в казне правителя.

Львиная доля производимого на землях региональной родовой аристократии прибавочного продукта - $\Delta 2\text{ППрзра}$ – остается в руках региональной аристократии. Чтобы увеличить объем $\Delta 1\text{ППрзра}$ за счет $\Delta 2\text{ППрзра}$, правитель может применить силу – воспользоваться соответствующими СИ и орудиями

насилия (СИнс и Орнс, соответственно). Ясно, что достигаемая таким образом эквивалентность обмена

$$\text{ЦДСИрзра} + \text{ЦДСИПрзра} + \text{ЦСИнс} + \text{ЦОрнс} = \text{ЦД1ППрзра} \quad (8)$$

является неустойчивой, даже ситуативной. Как правило, региональная аристократия предпринимает ответные действия – и силовые, и собственно институциональные. В частности, продуцируются альтернативные центральным региональные собственно институты распоряжения, а силовому давлению центра противопоставляется военная сила РВСГр-ы. Таким образом реализуется иной вариант обмена, который, впрочем, также не отличается устойчивостью:

$$\begin{aligned} &\text{ЦДСИрзра} + \text{ЦДСИПрзра} + \text{ЦСИнс} + \text{ЦОрнс} = \\ &= \text{ЦД1ППрзра} + \text{ЦСИнсра} + \text{ЦОрнсра}, \end{aligned} \quad (9)$$

где ЦСИнсра и ЦОрнсра – ценность соответственно СИ и орудий насилия региональной аристократии.

В позднем протофедеративном госцунобре, когда он обретает ярко выраженные протоконфедеративные черты, РВСГр-а может присваивать и часть прибавочного продукта, производимого на находящихся в регионе родовых землях и участках дворцового хозяйства правителя.

Характер присвоения земли и обмена продуктами и услугами корреспондирует с характером присвоения и обмена иными объектами. Взять, к примеру, корпус *общих знаний, умений и навыков*, необходимых для обеспечения жизнедеятельности госцунобра как целого (СЧСочЦВСГ). Будучи распорядителем этих сущностных сил, правитель должен обеспечивать, *во-первых*, их развитие в соответствии с изменяющимися реалиями; *во-вторых*, - конфиденциальность и закрытость той их части, которая является одной из гарантий сохранения и укрепления его власти; *в-третьих*, - передачу во владение РВСГр-е тех из них, которые необходимы для исполнения ею государственных функций (Д1СЧСочЦВСГ). В свою очередь, РВСГр-а обеспечивает ЦВСГр-у необходимыми текущими знаниями и информацией о состоянии дел в регионе (Д1СЧСочРВСГ). Разумеется, для устойчивости госцунобра оптимален эквивалентный обмен ценностей указанных СЧС:

$$\text{ЦД1СЧСочЦВСГ} = \text{ЦД1СЧСочРВСГ}.$$

Но очевидно и другое. Позитивная для РВСГр-ы неэквивалентность обмена

$$\Delta I C C S o c \Delta B C G > \Delta I C C S o c P B C G, \quad (10)$$

которая, в частности, выражается в сокрытии от ЦВСГр-ы важной информации, позволяет региональной аристократии присваивать, в том числе, дополнительный прибавочный и необходимый продукт и таким образом наращивать экономический потенциал противостояния центру и децентрализации госцунобра.

В этом же направлении действуют и продуцируемые РВСГр-ой *собственно институты*, прежде всего, СИ присвоения объектов (СИПроб). Если в условиях деспотии РВСГр-а использует продуцируемые ЦВСГр-ой СИПроб для легитимации владения и управления своими землями и присвоения части производимого на них прибавочного продукта, то в протофедеративном госцунобре она претендует не столько на владение, сколько на распоряжение указанными СИПроб. В частности, это означает трансляцию ЦВСГр-ой некоторых СИПроб в распоряжение РВСГр-ы в обмен на дополнительные доходы, например, часть необходимого продукта (ΔНПрзра), если прибавочный продукт уже уравнен с избыточным:

$$\Delta \text{СИПроб} \Delta \text{ВСГ} \leftrightarrow \Delta \text{НПрзра}.$$

В длительном периоде РВСГр-а превращает эквивалентность обмена

$$\Delta \text{СИПроб} \Delta \text{ВСГ} = \Delta \text{НПрзра} \quad (11)$$

в позитивную для себя неэквивалентность путем присвоения львиной доли ΔНПрзра

$$\Delta \text{СИПроб} \Delta \text{ВСГ} > \Delta \text{НПрзра}, \quad (12)$$

опираясь, во-первых, на свой военный потенциал, а, во-вторых, - на возбуждаемое в «низах» недовольство ЦВСГр-ой, которая обвиняется во всех их бедах.

Вышеизложенное верно и для собственно институтов редиистрибуции (СИрЦВСГ), то есть

$$\Delta \text{СИр} \Delta \text{ВСГ} > \Delta \text{НПрзра}. \quad (13)$$

Разумеется, РВСГр-а умалчивает факт захвата ею, по крайней мере, части механизмов централизованной редиистрибуции и соответствующих Сир.

Объектом обменных взаимодействий ЦВСГр-ы и РВСГр-ы являются и *институты права*. В условиях протофедеративного госцунобра доминирующим субъектом их создания и распоряжения остается ЦВСГр-а. Эти СИПЦВСГ она передает во владение РВСГр-е. Однако последняя отнюдь не обязательно «расплачивается» только частью прибавочного или необходимого продукта, поскольку сама трансформируется во все более влиятельный «модератор» правовых отношений. О чем идет речь? Во-первых, РВСГр-а изменяет, модифицирует СИПЦВСГ в соответствии со своими интересами. Таким образом образуются СИПмЦВСГ. Во-вторых, интенсивно продуцируются особые региональные СИП (СИПРВСГ), которые во многом альтернативны СИПЦВСГ. Следовательно, объектами институционального обмена между центром и регионами являются, главным образом, собственно институты (обмен протоинститутами здесь не анализируется):

$$\text{СИПЦВСГ} \leftrightarrow \text{СИПмЦВСГ} + \text{СИПРВСГ}.$$

Негативная для ЦВСГр-ы неэффективность обмена институтами

$$\text{ЦСИПЦВСГ} > \text{ЦСИПмЦВСГ} + \text{ЦСИПРВСГ}$$

предполагает соответствующую «компенсацию» «региональными» продуктами, СЧСоч, протоинститутами. Подобным образом негативную для РВСГр-ы неэквивалентность обмена

$$\text{ЦСИПЦВСГ} < \text{ЦСИПмЦВСГ} + \text{ЦСИПРВСГ}$$

ЦВСГр-а вынуждена компенсировать, прежде всего, прибавочном продуктом, произведенном на ее землях:

$$\text{ЦСИПЦВСГ} + \text{ЦДППрЦВСГ} = \text{ЦСИПмЦВСГ} + \text{ЦСИПРВСГ}. \quad (14)$$

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Подведем некоторые *итоги*. Во-первых, «набор» объектов и актов обмена между ЦВСГр-й и РВСГр-й далек от исчерпания и остается открытым. Во-вторых, вполне возможны иные акты обмена. Обмену могут подлежать отнюдь не однотипные объекты. Продукт может обмениваться на институты, а СЧСоч – на орудия насилия. Соответственно, возможные «очаги напряжения» в отношениях между субъектами – собственниками этих объектов отнюдь не исчерпываются уже рассмотренными. В-третьих, то распределение элементов и объектов

присвоєння между суб'єктами, которое последние унаследовали от своих предков, является исходной предпосылкой обменных взаимодействий. *В-четвертых*, эквивалентность обмена «пробивает себе дорогу» через и посредством позитивной и негативной для субъектов неэквивалентности. *В-пятых*, в результате актов обмена соответствующие объекты и элементы присвоєния «прощаются» со старыми и «находят себе» новых субъектов. Одновременно умножаются предпосылки смены господствующей формы власти-собственности (в данном случае – ПЛЧКлКр-ой). Следовательно, базовые постулаты ОТЦ обладают достаточно релевантной объяснительной силой, однако их развитие, равно как и верификация и тестирование, должны быть продолжены.

Список использованной литературы

1. Артемова Т.И. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования / Т.И. Артемова. – К.: Основа, 2006. – 448 с.
2. Афанасьев В. Вклад австрийской школы в развитие трудовой теории стоимости / В. Афанасьев // Вопросы экономики. – 2002. – № 2. – С. 102-117.
3. Бодриков М. Классическая теория ценности: современное звучание нерешенных проблем / М. Бодриков // Вопросы экономики. – 2009. – № 7. – С. 97-118.
4. Бодриков М. Трудовая теория ценности: проблемные вопросы и историческое значение / М. Бодриков // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 110-129.
5. Бузгалин А.В. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М.: Культурная революция, 2009. – 680 с.
6. Бузгалин А. Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 2005. – № 9. – С. 36-55.
7. Вальтух К.К. Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики / К.К. Вальтух. – М.: «Янус-К», 2001. – 896 с.
8. Гриценко А.А. Развитие форм обмена, стоимости и денег / А.А. Гриценко. – К.: Основа, 2005. – 192 с.
9. Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты. Дис. д-ра эконом. наук / В.Л. Иноземцев. – М., 1998. – 392 с.
10. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов / В.Л. Макаров. – М.: Бизнес Атлас, 2010. – 272 с.

11. Нейсбит Д. Мегатренды / Д. Нейсбит. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.
12. Петров-Стромский В.Ф. Три эстетики европейского искусства / В.Ф. Петров-Стромский // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 156-167.
13. Тарасевич В.Н. Фундаментальная экономическая наука: универсальность содержания и развития: монография / В.Н. Тарасевич. – Днепро: ЧМП «Экономика», 2017. – 1022 с.
14. Тронев К. Категории рыночная стоимость и рыночная цена в III томе «Капитала» К. Маркса / К. Тронев // Российский экономический журнал. – 2004. – №1. – С. 62-77.
15. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1350.
16. Чеховский В. О переводе Марксова „Wert“ на русский язык / В. Чеховский // Вопросы экономики. – 2008. – № 2. – С. 154-157.

References

1. Artyomova, T.I. (2006). *Stoimost' i tsena: logico-istoricheskiy protsess formoobrasovaniya* [Value and price: logic-historical process of the shaping]. Kyiv: Osnova.
2. Afanasiev, V. (2002). *Vklad avstriyskoy shkoli v rasvitie trudovoy teorii stoimosti* [Contribution of the Austrian school in the development of the labor theory of value]. *Voprosi ekonomiki*, 2, pp. 102-117.
3. Bodrikov, M. (2009). *Klassicheskaya teoriya tsennosti: sovremennoe zvuchanie nereshennih problem* [The classical theory of value: the modern sound of unresolved problems]. *Voprosi ekonomiki*, 7, pp. 97-118.
4. Bodrikov, M. (2008). *Trudovaya teoriya tsennosti: problemnie voprosi i istoricheskoe znachenie* [The labor theory of value: problematic issues and historical significance]. *Voprosi ekonomiki*, 4, pp. 110-129.
5. Buzgalin, A. and Kolganov, A. (2009). *Predeli kapitala: metodologiya i ontologiya. Reaktualizatsiya klassicheskoy filosofii i politicheskoy ekonomii (isbrannie teksti)* [Limits of capital: methodology and ontology. Reactualization of classical philosophy and political economy (selected texts)]. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya.
6. Buzgalin, A. and Kolganov, A. (2005). *Politicheskaya ekonomiya postsovetskogo marksizma (tezisi k formirovaniyu nauchnoy shkoli)* [The political economy of post-Soviet Marxism (theses to the formation of a scientific school)]. *Voprosi ekonomiki*, 9, pp. 36-55.

7. Valtuh, K.K. (2001). *Informatsionnaya teoriya stoimosti i zakoni neravnovesnoy ekonomiki* [Information value theory and the laws of a nonequilibrium economy]. Moscow: Yanus-K.
8. Grytsenko, A.A. (2005). *Rasvitiye form obmena, stoimosti i deneg* [Development of forms of exchange, value and money]. Kyiv: Osnova.
9. Inozemtsev, V.L. (1998), *Kontseptsiya postekonomicheskogo obshchesva: teoreticheskie i prakticheskie aspekti* [The concept of posteconomic society: theoretical and practical aspects]. Doctors dissertation. Moscow.
10. Makarov, V.L. (2010). *Sotsial'nyy klasterizm. Rossiyskiy vyzov* [Social clusterism. The Russian Challenge]. Moscow: Bisnes Atlas.
11. Neysbit, D. (2003). *Megatrendy* [Megatrends]. Moscow: Izdatelstvo AST; Ermak.
12. Petrov–Stromskiy, V.F. (2000). *Tri estetiki yevropeyskogo iskusstva* [Three aesthetics of European art], *Voprosy filosofii*, 10, pp. 156-167.
13. Tarasevych, V.N. (2017). *Fundamentalnaya ekonomicheskaya nauka: universonost' soderghaniya i rasvitiya* [Fundamental economic science: universonity of the substance and development: monograph]. Dnipropetrovsk: PPE "Economica".
14. Tronev, K. (2004). *Kategorii rynochnaya stoimost' i rynochnaya tsena v III tome "Kapitala" K. Marksa* [Market value and market price categories in volume III of Capital by Karl Marx]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, 1, pp. 62-77.
15. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. [online] Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1350.
16. Chekhovskiy, V. (2008). *O perevode Marksova „Wert“ na russkiy yazyk* [On the translation of Marx's "Wert" into Russian]. *Voprosi ekonomiki*, 2, pp. 154-157.

Тарасевич В.М., д.е.н., професор, Національна металургійна академія України

Постулати загальної теорії цінності та їх тестування на матеріалах історії міжнародної економіки

Стаття присвячена тестуванню деяких базових постулатів загальної теорії цінності на матеріалах перших цивілізацій Сходу. Охарактеризовано співвідношення категорій «вартість», «цінність», «ціннісні відносини». В найбільш загальному вигляді цінність представлено відносинами між акторами у зв'язку з відношенням суб'єктивного образу реального об'єкта до самого реального об'єкта.

Сформульовано гіпотезу про всезагальність і складність ціннісних відносин, у відповідності з якою людська діяльність є субстанцією і підвалиною ціннісних відносин (ЦВ). Певні визначені змістовні характеристики (інваріанти) діяльності та ЦВ є загальними для всіх сегментів (сфер) життєдіяльності, але в кожному особливому сегменті у відповідності до специфіки діяльності ЦВ та їх інваріанти приймають особливі форми, в тому числі соціально-економічні. Позначено зміст, будову та структуру ЦВ.

Акцентована загальноекономічна інваріантність витратності та корисності ціннісних відносин у обміні сукупними сутнісними людськими силами (СЛС), котрі включають втілені (нагромаджені), сучасні (поточні – актуалізовані уміння, навички, здібності) та майбутні (потенційні) СЛС, а також економічна та соціальна цінність. На цій основі розглянуто еквівалентно-нееквівалентний обмін сутнісними людськими силами між основними соціальними кластерами перших східних державних цивілізаційних утворень.

Прийнято за основу тенденцію до рівності суми корисності цінності групи СЛС першого суб'єкта обміну й витратності цінності групи СЛС другого суб'єкта обміну та суми корисності цінності групи СЛС другого суб'єкта обміну й витратності цінності групи СЛС першого суб'єкта обміну. Нееквівалентний обмін СЛС супроводжує зміни основних суб'єктів і форм привласнення даних об'єктів.

Ключові слова: вартість, цінність, ціннісні відносини, сутнісні людські сили, витратність, корисність, обмін, еквівалентність, експлуатація.

Tarasevych V., Doctor of Economic Science, Professor, National Metallurgical Academy of Ukraine

Postulates of the general theory of valuation and their testing on materials the history of international economy

The article is devoted to testing some basic postulates of the general theory of valuation on the materials of the first civilizations of the East. The ratio of the categories "value", "valuation" and "valuation relations" is characterized. In the most general form, valuation is represented by relations between actors in relation to the relation of the subjective image of a real object to the most real object.

A hypothesis is formulated about the universality and complexity of valuation relations, according to which human activity is a substance and the basis of value relations (VR). Certain content characteristics (invariants) of activity and the VR are common for all segments (spheres) of activity-life. But in each special segment, in accordance with the specifics of the activity, the VR and their invariants acquire special forms, including socio-economic ones. The content, constitution and structure of the VR are indicated.

The general economic invariance of the cost-effectiveness and usefulness of valuation relations in the exchange of aggregate essential human forces (EHF), which include embodied (accumulated), current (actualized skills, abilities) and future (potential) EHF, as well as economic and social valuation, is emphasized. On this basis an equivalent-nonequivalent exchange of essential human forces between the main social clusters of the first eastern state civilizational formations is considered.

It is shown tendency to equality of the amount usefulness valuation of the EHF group of the first exchange entity and cost-effectiveness valuation of the EHF group of the second exchange entity and the amount usefulness valuation of the EHF group of the second exchange entity and cost-effectiveness valuation of the EHF group of the first exchange entity. The nonequivalent exchange of the ESS accompanies the changes in the main subjects and the forms of appropriation of these objects.

Key words: value, valuation, valuation relations, essential human forces, cost-effectiveness, usefulness, exchange, equivalence, exploitation.